

ЛИНЕЙНЫЙ КРЕЙСЕР
«МИХАИЛ ФРУНЗЕ»

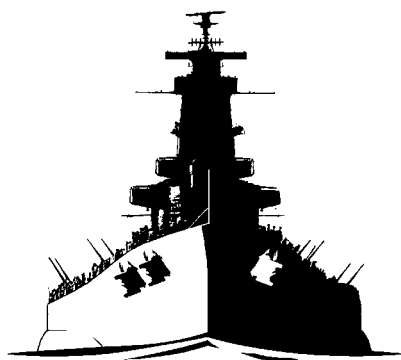
Владимир Коваленко

ПЯТЫЙ РИМ

Владимир Коваленко

ЛИНЕЙНЫЙ КРЕЙСЕР
«**МИХАИЛ ФРУНЗЕ**»

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2016

УДК 82-312.9
ББК 84-445
К 56

Оформление переплета *М. Левыкина*

Коваленко В. Э.

К 56 Линейный крейсер «Михаил Фрунзе». – М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2016. – с. 544, илл.

ISBN 978-5-9908265-2-6

Еще гремит «Битва за Англию», но Германия ее уже проиграла. Италия уже вступила в войну, но ей пока мало.

«Михаил Фрунзе», первый и единственный линейный крейсер РККФ СССР, идет к берегам Греции, где скоростно скончался диктатор Метаксас. В верхах фашисты грызутся за власть, а в Афинах зреет заговор.

Двенадцать заговорщиков и линейный крейсер.

Итак...

Время: октябрь 1940 года.

Место: Эгейское море, залив Термаикос.

Силы: один линейный крейсер РККФ СССР.

Задача: выстоять.

УДК 82-312.9
ББК 84-445

© Коваленко В. Э., 2016

© Издательство «Пятый Рим»™, 2016

© ООО «Бестселлер», 2016

ISBN 978-5-9908265-2-6

25.10.1940.
Восточное Средиземноморье,
Эгейское море

14.00. Линейный крейсер РККФ «Михаил Фрунзе», боевой информационный пост

В конце октября года новой эры тысяча девятьсот сорокового Эгейское море устало быть мирным и ласковым. Море копило ярость годами, теперь она прорвалась штормом. В беспокойном Бискае, в норовистом ледяном Беринговом море, в северной Атлантике, которую в давние времена именovali «морем Мрака», – хорошая трепка дело частое. Там окраины океана, бузят волны, что не привыкли ко дну под ногами и берегу перед носом. Но здесь? Поневоле вспомнишь, что в греческих водах утонуло больше всего кораблей – от рогатых критских галер до броненосцев, что штурмовали Дарданеллы.

Неужели люди так долго не кормили собой лазурную Эгеиду, что волны решили взять положенную долю сами?

Небо стянуто черной коркой туч, по палубе настильно лупят злые струи: дождит, словно тысячу брандспойтов направили. С носа встают, одна за другой, стены черного стекла, каждая с пятиэтажный дом высотой, длиной – в половину линейного крейсера. Могучий корабль ни одной не пропускает, кланяется всем встречным: нос скатывается в

ложбину меж волн, и так, с подвывертом, врзается в обсе-
диановую витрину моря – нож и черпак разом. Волна рас-
шибается о броню, брызги разлетаются осколками, ее пен-
ная шапка вмах бьет по передней башне главного калибра.
Нос крейсера на мгновение замирает, потом идет вверх –
быстрей и быстрей, черная вода и белая пена валятся вниз.

«Михаил Фрунзе» принимает трепку, что сделала бы
честь Великому Океану, по недоразумению прозванному Ти-
хим. Принимает достойно, хотя старшему помощнику, кап-
два Косыгину, приходится докладывать о повреждениях. На
крыше крайней носовой башни повредило дальномер. Он,
шестиметровый, за броней не спрятан, торчит сверху. За борт
не снесло, даже оптику не выбило: смотреть можно, вроде как
в стереопару. Вот только слово «точный» к этому прибору
более неприменимо! В башне остался осиротевший балли-
стический вычислитель и сельсины, которым и передавать
бы данные с него вниз, к орудиям. Теперь «Ворошиловская»
не сможет целиться самостоятельно, без указаний от систе-
мы центрального управления огнем. Сейчас, в мирное время,
это не страшно, дальномер отнюдь не нов, образца бурового
восемнадцатого года. За его утрату – пусть и в шторм, по не-
одолимым обстоятельствам – взгреют, причем персонально
старшего помощника: материальная часть корабля – его за-
бота. Другое дело, что разнесут несильно, и раз все одно полу-
чать фитиля... Косыгин хитро щурится. Он невелик ростом,
лицо обычное, среднее – разве чуть выделяется ранними за-
лысынами, да уши чуток лопушатся. Короткие густые брови,
серо-синие глаза – ни тебе небесного холода, ни василькового
яркого цвета. Резкие тени крыльев носа... Больше о его внеш-
ности и сказать нечего, пока он не задумает очередную штуку.
А он задумал! Теперь злые валы, что сотрясают корпус кора-
бля – его товарищи по заговору.

Шторм – хороший повод доложить о множестве малых
поломок. Устранимых, иначе под это дело не вытребовать

запасные части, а то и дублирующие приборы. Обеспечить комплектность корабля, а в идеале и сверхкомплектность, – для старшего помощника дело чести.

Поэтому Косыгин, после доклада командиру, откладывает в сторону микрофон, пережидает, вцепившись в поручни кресла, удар очередной волны, и оборачивается к начальнику БЧ-четыре, капитану третьего ранга Ивану Ивановичу Ренгартену. На кап-три вся связь корабля, внешняя и внутренняя. Довеском – радиоуловители самолетов и гидроакустика. Первые штурмана сбагрили связникам как аппаратуру сложную и не слишком нужную. Вторые достались за отсутствием минной или противолодочной боевой части. Ренгартен взял и то, и то в охотку. Не потому, что за освоение новинок положены звания и ордена – с не меньшей вероятностью можно остаться без лишних полос на рукавах, а то и проститься с дубовыми листьями на козырьке фуражки. Кап-три не в состоянии перебороть искушение, слишком любит точную механику и радиоламповую технику. Ему намекни, что можно – баллистические вычислители у артиллеристов заберет. Только кто ж ему даст! Зато брошенную старпомом приманку он заглотит сразу, как только предложат.

– С точки зрения точной механики и электротехники, – сказал Косыгин, – нынешний шторм вполне подобен легкому обстрелу. Множественные сотрясения, удары, и...

Он замолк. Сказанного достаточно.

Ренгартен обернулся, – насколько позволило намертво привинченное к палубе кресло. Взгляд у него неприятный, – безразличный, чуточку пустой. Глаза белесые, малоподвижные. Рыбы. Клюнет ли рыба-кап-три? Обычно клюет, но не сразу. Сначала, недолго, думает. Смотрит.

Главный связист, несмотря на то что ему нет тридцати, сед, как лунь. Среди его коротко стриженных волос нет ни волоска с металлическим блеском, лишь тусклая белизна в

электрическом свете боевого информационного поста отдает желтизной. На длинном лице – ни следа усталости, но Косыгин знает: последние трое суток начсвязи спит урывками. Сам он шторм, похоже, вообще не замечает, зато его любимые приборы страдают морской болезнью. Крошатся изоляторы, отходят контакты, вода просачивается в, казалось бы, герметические кожухи – и слаботочные сети умирают в дымках коротких замыканий. Даже здесь, в сердце корабля, полностью исправны четыре станции внутренней связи из шести и две радиостанции из четырех.

– Ситуация некритическая, – говорит Ренгартен тусклым канцелярским голосом. – Моя боевая часть функциональна в полном объеме. Могу восстановить желательную степень резервирования мощностей в течение нескольких часов нормальной погоды.

– Но ведь поломки есть, товарищ капитан третьего ранга? – прищур Косыгина становится еще более лукавым. Почти ленинским!

В ответ – одно слово, уставное.

– Виноват.

Отношения между старпомом и начсвязи немного натянуты. Косыгин – сущий живчик, по крейсеру ходят слухи, что кап-два ухитряется находиться в нескольких местах разом, а если спит, – просыпается сразу там, где чувствует неполадку или где нужен согласно Уставу, вахтами же в ходовой рубке – наслаждается!

Про вахты – правда. Там – послушная живая громадина корабля под ногами, небо, и море, и ветер в лицо – тот, что рождается от быстрого хода. Там Михаилу Косыгину хорошо. Увы, чаще всего ему приходится сидеть внизу, в боевом информационном посту, коротко – в БИПе.

Вместо вольного ветра – гул вентиляторов, вместо соленого дыхания моря – неистребимый запах канифоли: если связисты Ренгартена ничего не паяют, значит, только за-

кончили, скоро начнут опять... Здесь главный инструмент не машинный телеграф или штурвал, а набор телефонных трубок, остро заточенный карандаш и стопка нумерованных бланков для внутренних сообщений. Пока все тихо – контора, и только!

А кто его, второго после Бога, туда загнал?

Рыбоглазое чудовище с остзейской фамилией.

Боевой информационный пост – идея начсвязи. Нет такого ни на американских линкорах, ни на британских. Нет у японцев, немцев, итальянцев! У всех великих морских наций место старшего помощника наверху, в ходовой или боевой рубке. На крайний случай – в резервной, на самый крайний – во главе аварийной партии. То же и на трех старых советских линкорах.

Спасибо Ренгартену, на «Фрунзе» не так. После модернизации на линейном крейсере все сообщения стекаются не в боевую рубку, а в информационный пост. Та, что идет снаружи, сходится к начсвязи. Та информация, что идет изнутри, от самого корабля – к старшему помощнику. Их дело разрешать все проблемы, которые не стоят внимания командира корабля. Их личная неприязнь относится именно к таким: службе не мешает. Вот и сейчас Косыгин говорит резко, но по делу.

– Перед старпомом виноваты все и всегда, вопрос насколько... У меня на сейчас главная претензия не к вам, а к шторму. Из-за него у меня падает процент комплектности, причем не только по вашей боевой части. Все, что может сломаться, – ломается, так? Как ни крутись, нас после трепки ждет ремонт. Так почему бы нам заранее не составить полнейший список повреждений? В том числе малых неполадок, что отмечались до шторма, но, безусловно, штормом усугублены?

Ренгартен отвечает мгновенно, думать он успевает, пока слушает собеседника. Но ощущение – неприятное, словно тебя перебили.

– Мое мнение: составление списка отвлечет людей, занятых исполнением своих обязанностей в сложных условиях сильного волнения на море. Тем не менее, для ряда боевых постов это целесообразно. Прикажете исполнять?

Косыгин резко кивает.

– Исполняйте.

– Так точно, товарищ капитан второго ранга.

У начсвязи на столе батарея телефонов побольше, чем у старпома, зато трубки перебирает, точно рожден осьминогом, одна еще не легла на рычаги – другая у уха. Хозяйство у него большое, разбросано по всему кораблю – от форштевня до руля и от кия до клотика. Говорить приходится много и быстро.

– Доложить о вероятных, если будет так болтать сутки, повреждениях, и ожидаемый расход запасных частей.

Слушает, делает пометки.

Старпом с трудом удерживается от того, чтобы поморщиться.

С Ивана Ренгартена станется дать кристально, неестественно честный отчет. Временами Косыгину кажется, что белоглазый кап-три – даже не немец-перец-колбаса остзейского разлива, а ламповый прибор, по недоразумению засунутый в человеческую оболочку и снабженный не инвентарным номером, но нашивками на рукавах и шитьем на фуражке. Потому старший помощник вынужден уточнить:

– Иван Иванович! Особо обращаю внимание: нужно включить самые малые неполадки. Даже, пожалуй, подозреваемые.

– Включая вероятные при дальнейшей эксплуатации моего хозяйства. Прибор может пережить шторм в работоспособном состоянии, но разболтаться и снизить надежность.

Начальник связи не улыбнулся, не пожал плечами... бровью не двинул. Просто отвернулся от оконченного разговора к радийным и радиолокационным делам. Ночь, шторм,

с носа кормы не видно. Вдруг во мгле скрывается другой корабль? Вдруг штурманы в непроглядной темени наврали с прокладкой курса? Вдруг крейсер сносит к скалам? В Эгейском море множество островов, славных изрезанными, словно бритвой, берегами – и острыми скалами вокруг. На мачтах линейного крейсера вращаются прямоугольные решетки радиолокаторов*: сейчас именно они – глаза корабля. Эфир тоже положено слушать непрерывно, со времен «Титаника» – вдруг кому требуется помощь? Да и вода хлещет сверху, растекается по полубаку и верхней палубе, стекает пенными усами через клюзы, рушится через борта – хлопот со слаблочным оборудованием хватает.

И все-таки тонкая сталь бортов и палуб спасает от гнева стихии. В информационном посту – спокойно, если не сказать уютно. Снизу, от машин, идет ласковое тепло. Размеренно, точно рой шмелей, гудят приборы. Да, палуба то уходит из-под ног, то подкатывается чуть не под колени. Ощущения... не с чем сравнить, разве с курьерским лифтом, да и тот не падает на десяток метров вниз за считанные мгновения – для того, чтобы сразу же взлететь на столько же вверх. Помогают держаться удобные кресла с подлокотниками, если надо встать, – есть массивные шкафы с оборудованием, привинченные к палубе столы. За них можно ухватиться, твердо зная: выдержат. В жилых помещениях хуже, там крепления хлипче. По большей части именно из кают комсостава и матросских кубриков в медчасть корабля поступает пополнение – с ушибами, вывихами, переломами, сотрясениями. Жизней шторм пока не забрал, да и с чего бы: в Атлантике бывает хуже, и то обходится без жертв. А уж на Севере...

Над одной из исправных радиостанций загорается огонек приема. Оператор слушает, мальчишеское лицо сурове-

---

*По современному говоря, радаров.

ет. Привстал с места, даже стол отпустил. Как раз прошел удар волны, падение должно перейти в подъем.

– Шифровка, товарищ капитан третьего ранга, – сообщает Ренгартену. – Код наркомата флота. Записываю... Аа!

Он не успел ни за что ухватиться. Стол бросился навстречу, рука впустую схватила воздух. Ребро столешницы ударило под дых, лицо ткнулось в клавиатуру передачи: почти такую же, как у обычной печатной машинки. Удобство – не надо ключом каждую букву выстукивать – отпечталось на лице рядом багровых следов.

Рядом оба экрана носового радиолователя вспыхнули россыпью зеленых искр и погасли. От резервного поста связи донеслось заполненное:

– Эфир не слышу!

На репетице креномера, что красуется прямо перед носом старшего помощника, стрелка неумолимо катится вправо, отсчитывает градусы. Да что у них там, наверху? Косыгин догадывается, но действует по уставу. Орет в микрофон общей трансляции:

– Аварийная тревога! Боевым частям доложить о повреждениях!

Жмет кнопку, и по отсекам летит тревожный сигнал. Что ни делай, если креномер не остановится – поздно... Стрелка отсчитывает градусы до гибели корабля: двадцать, двадцать пять, тридцать...

В информационном посту не видели волну, что нанесла удар, но поняли: это не привычная уже «пятиэтажка». Больше. Гораздо больше. Откуда она взялась – такая? Какой феномен ее породил? Наложение колебаний? Влияние недалекого берега, рельеф не столь уж и глубокого дна? Нет в Эгейском море, теплом и мелком, кашалотьих глубин, да и сами киты не водятся, однако волна вышла – втрое от обычных. Слишком высокая, чтобы расколоться от укола острого форштевня. Вал накрыл нос крейсера целиком, по-

тянул вниз. Черная от непогоды вода накрыла обе носовые башни: номер один, которую в обиходе именуют то «Ворошиловской», то «Тихоокеанской» – за то, что предназначалась к установке на береговую батарею имени первого красного маршала под Владивостоком, и номер два, она же «Длинношея» и «Мария Федоровна». Брызги и пена окатили обтекаемую громаду надстройки, хлестнули по стеклам рубки.

Внизу, в чреве корабля, палубы превратились в косогор.

– Выпрямимся, – Косыгину хотелось бы слышать в своем голосе уверенность.

– Помнится, – раздался механический голос Ренгартена, – у «Парижской коммуны» в Бискае наполовину оторвало носовую наделку, они в Бордо при дифференте двадцать пять приползли... И ничего: ремонт встал всего в пять тысяч франков.

На деле, дороже. Вместе с красивой наделкой на носу старого линкора шторм своротил надежду флота получить сильные мореходные корабли – дешево.

Модернизация «Фрунзе» обошлась Советскому Союзу в миллионы – не рублей и даже не франков, а полновесных долларов. Проводили ее в Норфолке, аккурат между американскими линкорами «Миссисипи» и «Калифорния», с тридцать третьего года по тридцать шестой. США как раз преодолевали последствия депрессии, и масштабное экономическое соглашение с СССР оказалось кстати. На постройке большого боевого корабля настаивала именно американская сторона. Не хотели останавливать верфь, переводить персонал на пособие... Понятно, что года через три, когда американцы наскребли-таки денег на очередной линкор для своего флота, они недосчитались бы многих инженеров и рабочих. Самых толковых, самых квалифицированных. Советскому Союзу буквально навязали заказ, поманив разрешениями на приобретение но-

вейших авиамоторов, зенитных орудий – а главное, лицензиями на производство, поставкой станков и технической поддержкой.

Торговались. Косыгин помнит, как: тогда он служил адъютантом при наркоме флота, флагмане первого ранга Галлере. Главные битвы пришлось вести не за океаном, – в Москве. Противником выступали не американцы, а Красная Армия. Против моряков повернули их же доктрину: строить флот снизу вверх, от малых кораблей к большим. Эсминцы освоены? Очередь крейсеров. Про линкоры – забудьте лет на десять...

В ответ Лев Михайлович выложил проект восстановления старого, царской постройки, линкора «Полтава» в качестве пусть и линейного, но все-таки крейсера. Через два года «Михаила Фрунзе» торжественно спустили на воду. Магниевые вспышки, треск кинокамер. Высокая корма укутана советским военно-морским флагом, жена советского полпреда расколачивает о скуластый нос бутылку вина...

В английских газетах – презрительное: «Американцы подлатали русское старье и вновь спустили на воду!»

Им завидно, у них корабли того же возраста плавают без модернизаций.

В американских газетах – гордое: «Объем произведенных работ свидетельствует: в строй вошел совершенно новый, современный корабль». Янки хвалятся проделанной работой, но так ли она хороша?

Правда в том, что «Михаил Фрунзе» – крупнейший и сильнейший корабль советского флота, и на линкоры дореволюционной постройки ничуть не похож – ни профилем, ни способностью перенести штормягу.

– Крен остановится на тридцати, – говорит Косыгин. Он старается казаться спокойным, в том числе себе. – Первой аварийной партии приготовить сварочные аппараты, готовиться к выходу на палубу.

Креномер достиг тридцати градусов. На мгновение качнулся к тридцати пяти – старший помощник не ушами, душой слышит, как валится, катится, опрокидывается все, что не привинчено, не привязано или еще как-нибудь не закреплено. Конец – или поборемся? Сыплются доклады об ущербе от крена, но корпус цел, вода нигде не ворвалась. Что снаружи – лучше видно с мостика. Тех, кто внизу, информирует голос командира, капитана первого ранга Лаврова.

– Мы потеряли фор-стенгю. Теперь наша новомодная башнеподобная фок-мачта – просто надстройка. Товарищ Косыгин, выхода на палубу не понадобится, ее не завалило, а сорвало.

Старпом было привстал, но осел обратно в кресло. Мостик между тем переключился на общую трансляцию.

– Говорит командир. Мы потеряли часть фок-мачты, немедленного ремонта не требуется, опасности для корабля нет. Отбой аварийной тревоги.

Креномер послушно отсчитывает градусы обратно: тридцать, двадцать пять, двадцать, десять...

Косыгин на мгновение прикрывает глаза. Смерть прошла рядом. Случись фор-стенгю завалиться, но остаться на корабле – пришлось бы вести наверх аварийную партию. Стенгя легкая, но при крене в тридцать градусов в такую болтанку корабль не может себе позволить и такое нарушение остойчивости. Значит, пришлось бы подниматься туда, где сносит леера, откуда давно сорвало последние шлюпки и плоты. Идти срезать хорошую, набитую ценнейшим оборудованием вещь, вдруг превратившуюся в угрозу кораблю. Стараться успеть до того, как нахлынет вал, способный смести аварийную партию с бронированной крыши дальномерного поста, зная, что, если унесет в море, – спасения не будет. Помнить: не справишься и погибнешь – рисковать придется другим.

Ничего этого теперь не понадобится.

Жизнь идет своим чередом.

Боевые части и службы докладывают о потерях. Впору задуматься: как линейный крейсер «Фрунзе» будет жить без фока? Сейчас, в шторм – хорошо. Дифферент сместился в сторону кормы, кораблю легче взбираться на волну. При последней модернизации нос немного перегрузили. Командир называет это: «свиньей сидим». Морщится, словно воняет ему. Уверяет, что эта посадка съедает добрый узел скорости, и если бы не перегрузка, ходил бы «Фрунзе» узлов двадцать восемь. Не разгонялся на короткий срок, а именно ходил – сколько нужно... или насколько хватит топлива. На полном топке удивительно прожорливы.

Погода покончила с недостатком.

Что еще?

Удар по хозяйству Ренгартена. Белоглазый бог связи ослеп на один глаз – то есть на один радиоуловитель. Антенну старого, трехлетней давности «Редута-К» снесло за борт заодно с несколькими антеннами. Первый советский корабельный радиоуловитель самолетов не будет красоваться в музее. Ему выпала судьба – лежать на дне давно прирученного человеком моря. Будут скользить над ним греческие шхуны, и вода будет прозрачно-зеленой, мягкой, ничем не напоминающей нынешние черные валы.

На грот-мачте остался «Редут-3», этот лучше, но он один. Случись что, ни корабль заметить сквозь туман, ни береговую линию, ни строй бомбардировщиков. В мире неспокойно, вокруг советских границ недружественные державы ведут войну за очередной передел мира. Самолет, надводный корабль, подводная лодка – все таит угрозу. Не узнает, примет за врага – удар. Узнает, понадеется, что сумеет выдать подлость за ошибку, – удар. Узнает и решит устроить провокацию – удар. Узнает... а может, у них приказ – начать войну против единственного в мире социалистического государства? Может, война уже началась?

Шифровки с кодом наркома флота не каждый день прорываются сквозь непогоду. Дело срочное, иначе никто не стал бы вызывать корабль, которому осталось двое суток пути до родного порта. К утру, несмотря на шторм, «Фрунзе» должен подойти к проливам. Там, правда, все зависит от погоды. В шторм соваться в дарданелльские узости не стоит. Может, о том и шифровка? Мол, не лезть, взять курс на Измит, турки предупреждены...

Матрос с оттисками клавиш на лице закончил прием шифровки. Код наркома – значит, Ренгартену с ней возить лично. Начсвязи склонился над расчетами. Рука с карандашом прихвачена к столу резинкой, рывки вверх–вниз и тараны волн носом вычислениям не мешают, и за набором цифр понемногу проявляется смысл.

Вот, встал. В одной руке – сложенный пополам бланк, другой держится за стол. Переждал, пока легкость не сменилась тяжестью, размашистым шагом вышел из поста. Ох, и достанется ему в коридоре! Там нет поручней, как на трапах – и это, между прочим, явное упущение. Нужны.

14.15. Боевая рубка линейного крейсера «Михаил Фрунзе»

В самые тяжелые для корабля минуты место политрука рядом с командиром. Он – столп и опора, третье плечо – если иначе, гнать такого с флота поганой метлой! Многих и погнали – в былинные уже годы, примерно совпавшие с гражданской войной в Испании. Политические отделы до той поры были скорее частью партии, чем флота – теперь наоборот. Как может достучаться до моряцкой души человек, чуждый водной стихии, будь он три раза твердокаменный большевик?

Иван Павлович Патринос морю не чужд. Он грек, если этим не сказано все, то половина точно. Соль Черного моря

у него в крови, но в душу запали океаны – Великий, Тихий, и величайшая дорога мира – Атлантика. Довелось ему в юности, которая у иных людей почитается отрочеством, хаживать на рыбацких суденышках, что привозят не столько рыбу, сколько контрабандный турецкий товар – не верьте, что всю контрабанду делают в Одессе, на Малой Арнаутской! В его мальчишеской памяти «угар НЭПа» – проносящаяся «по рыбам, по звездам» легонькая шхуна, безлунные ночи, течения и ветра, которые нужно не просто знать, а чуют кожей, словно ветер, ступнями, как палубу под ногами. Янниса взяли в море рано: смотрели не на года, а на силу и соображение, парень оказался не обделен ни тем, ни другим. В четырнадцать лет он перерос многих взрослых, имел в артели полный матросский пай – и работал за двоих. К тому времени он знал северный берег моря от дунайского устья до Керчи, южный – от Стамбула до Трабзона, каждую бухточку, в которой можно спрятаться от непогоды, каждую косу, которой можно прикрыться от пограничной стражи.

Его учили использовать безлунную ночь, прилив и отлив, неизбежное утреннее и вечернее дыхание моря – чтобы промелькнуть кораблем-невидимкой мимо страшных ночных теней, в которых мерещатся пограничные сторожевики. Старики судачили: если юный Патрилос отучится бледнеть, увидев лезвие разделочного ножа, нацеленное в глаза, – выйдет неплохой капитан. Ни работы, ни бури парень не боится, но в портовой драке от него нет толку, потому, если не поменяется – ему не верховодить, и больше одной доли не выгрызть. Так бы и вышло, но времена поменялись, и Янниса ждала иная судьба. Шкипер контрабандистской шхуны совершил ошибку, и в суденышко уперся столб света. Проектор пограничников режет по глазам злей солнца – на светило смотреть больно, а он сразу спит. Везунчики, кто успел закрыть глаза руками или отвернулся, потеряли зрение лишь на несколько минут. Громовой голос потребовал лечь в дрейф и

приготовиться к досмотру. Пограничный катер, тень в ночи, переиграл давнего противника один раз – навсегда.

Это было пятнадцать лет назад. Молодая республика, что наводила у своих берегов порядок, конфисковала у небольшой греческой артели множество турецкой мануфактуры, юркую шхуну – и Янниса Патрилоса заодно.

Мальчишку отпустили как несовершеннолетнего, но почтение к государственной власти, располагающей военным флотом, поселилось в нем навсегда. В Советской России власть принадлежит партии – и недавний контрабандист вступил на незакрытую еще дорожку: сочувствующий парень из «социально близкого элемента», политически грамотный моряк, комсомолец, коммунист, парторг... Ходить в море это не мешало. Первым его кораблем после контрабандистской шхуны стал крохотный пассажирский пароходик, некогда затопленный белыми при эвакуации Одессы. Ветхий кораблик, по их мнению, до Крыма доползти никак не мог, но красные суденышко подняли, залатали, подкрасили – и ничего, служило верой и правдой. Через море напрямик не совалось, возило пассажиров на линии Николаев – Евпатория. На всех парах, изрыгая из единственной трубы столб украшенного искрами буроватого дыма, этот великолепный лайнер едва вязал пять узлов, но он принадлежал советскому государству, и от этого вызывал у Янниса достаточное почтение. На нем Патринос получил паспорт – тот, что положено доставать из широких штанин. Записали Янниса Иваном: перевели на русский язык. Можно было поднять бучу – в двадцатые годы ошибку бы исправили, а сотрудникам паспортного стола не поздоровилось бы. Им повезло. Перековавшийся контрабандист, а тогда – кандидат в комсомольцы перечитал ранние статьи товарища Сталина по национальному вопросу и тихо согласился с серпастомолоткастым документом. Так и повелось: на берегу, в семье, он Яннис. На службе – Иван Павлович, никак иначе.

Даже в комсомольской молодости. Впрочем, возражений не было: размер имеет значение. Как и ловкость... Матрос, что в одиночку вращает штурвал прямого привода руля, с которым обычно управляется разом шесть человек или паровая машина в пятьдесят лошадиных сил, и делает это с умом, понимая разницу между «так держать» и «одерживай» – заслуживает некоторого уважения, не так ли?

Шли годы, менялись места службы и порты приписки. Ходил в Варну и Трабзон, служил парторгом на танкерах, развозивших бакинскую нефть по покупателям в Средиземном море. В чужом порту за морячками глаз да глаз! Нужно чутье на тех, кто может учудить, и способность найти слова, которые заберутся в самую темную душонку, чтобы поняла – на родном берегу так ли, сяк, а ронять честь советского флага за границей нельзя. Суда, на которых ходил Патрилос, не доставляли проблем консулам, не портили в пароходстве статистику. Всяк знал: поставь Ивана Павловича на самый хулиганский экипаж – и про любые неприятности можно забыть. Никаких хлопот, разве нужно получку платить.

К середине тридцатых парторг Патрилос служил на лучших и крупнейших советских судах, повидал не то что Роттердам, Марсель и Лондон, бывал в Нью-Йорке и Фриско. Хаживал, на зависть воспетым в литературе фармазончикам, по Рио в белых штанах. Его судно пришло за грузом драгоценного для советской промышленности каучука, и Яннис на глазах всего экипажа унизил Остапа Бендера, доказав, что прямая дорожка быстрее и удобней приводит к цели, чем кривая.

Тогда, в тридцать пятом, он был счастлив и от жизни большего не ждал, поскольку в большем никак не нуждался. Что ему надо? В любимом деле состоялся, люди, и немаленькие – уважают. В море незаменим, на берегу ждет семья. Личная жизнь сложилась между плаваниями такая же, как карьера: размеренная, ровная, надежная. Жена, дочь старшая, двое

сыновей, и еще дочь, младшенькая. Берег начал перетягивать, Ивана Павловича подговаривали бросить дальние походы и принять должность парторга одесского морского пароходства. Патринос почти смирился с береговой должностью, но мир изменился снова, и для него разверзся ад.

Началась гражданская война в Испании, и Советский Союз не остался в стороне. Как повелось, в огонь шагнули лучшие, а Иван Павлович и есть один из лучших. О том, что было потом, он не говорит, хотя многие нынешние сослуживцы ожидали подробных рассказов. Но всяк, кто спросит, в ответ слышит одно:

– Вспоминать не хочу.

После чего помполит «Фрунзе» выдает правильные, но казенные фразы о том, что Испанская республика пала, растерзанная интервентами и собственными фашистами-фалангистами, несмотря на советскую помощь, и о том, что хвалиться личными успехами в случае общего поражения нехорошо. Не по-советски и не по-товарищески. Дальше – стена, которую не пробить ни добрым словом, ни казенным красным вином, ни «сухопутной» водкой, ни «родным» кальвадосом. А экипажу, между прочим, интересно! Не каждый день парторга с торгфлота переводят на линейный крейсер. Не каждый новоиспеченный помполит красуется средиземноморским загаром на лице и орденом Красной Звезды на кителе. По кубрикам летают шепотки, что Иван Патринос совершил на испанской войне что-то исключительно героическое и настолько же секретное. Мол, ему запрещено говорить – и точка! Слухи лишь прибавляют помполиту «Фрунзе» авторитета. Добавить к этому сложение, которое не то что Ахилла посрамит – бывших царских унтеров, а ныне младших командиров РККФ вводит в трепет и изумление.

Сейчас богатырская статья помполита к месту. Кажется, на мостике нет более прочной и устойчивой опоры, чем этот че-

ловека-гора. Нынешняя трепка способна сбить с ног любого, кроме него. Он помогает удержаться на ногах зазевавшимся, да к тому же сыплет шутками. Палуба уходит из-под ног?

– Американцы с их «русскими горками» за такой аттракцион деньги бы платили, – говорит он, – а нам страна оклад положила. Цените, товарищи! Правда, крупно не хватает восторженного или испуганного визга, но это издержки. Мы боевой корабль, нам тут женщины и дети не положены...

Волна с размаха бьет в бронированные стекла боевой рубки?

– Между прочим, – замечает помполит, – на Севере пришлось бы ее скалывать. Это для линкоров волна до рубки – редкость, а вот когда я ходил на Шпицберген за угольком на трампе в пять тысяч тонн...

Он говорит ровно, немного безразлично, и его слова успокаивают, если не сутью, так безмятежным тоном.

Только когда мать всех волн, дважды длинней, чем «Фрунзе», ростом до пулеметных площадок на мачтах, вырастает впереди – помполит молчит. Теперь все слова принадлежат командиру, живой утес лишь подпирает решение своим авторитетом. Когда удар минует, и короткий взгляд назад покажет, что корабль остался без венчающей башенную мачту стеньги с антеннами, – Патринос вновь начнет шутить и балагурить.

– Это хорошо, – скажет он. – По крайней мере, никто не примет наш «Фрунзе» за новенький корабль с зеленым экипажем. Смотрят не на то, насколько тебя потрепало, а на то, в каком виде ты позволяешь себе войти в порт.

14.30. Линейный крейсер «Фрунзе», боевая рубка

Капитан третьего ранга Ренгартен вошел в рубку. За его спиной с тяжелым вздохом затворилась броневая дверь – слегка изогнутая стальная створка двенадцати дюймов тол-

щиной. Он на мгновение задержался, не оборачиваясь к командиру корабля, переждал очередной момент смены взлета корабельного носа на падение. Зато потом – чеканный шаг, четкое отдавание чести. Командиру послышался щелчок каблуков... разумеется, его нет. Слишком старорежимно, даже теперь, в сороковом году.

– Товарищ капитан первого ранга! Шифровка от нарком флота. Степень секретности и срочности потребовала от меня доставить ее лично и немедленно.

В бронированных стеклах растет стена черной воды, барашки пены белоснежны, словно снег с вершин кавказских пиков. Не всегда командир корабля лучший моряк на борту, но в случае каперанга Лаврова это так. И теперь человека, который обязан провести корабль через шторм лично, по причине сочетания долга, ответственности и мастерства, отвлекают от главной работы!

На Ренгартене сошлись взгляды, какие могли оторваться от вида за стеклом и от приборов. Слово приказ из Москвы имеет какое-то значение до того, как нос разобьет волну на обсидиановые осколки, до того, как вода заструится по якорным цепям, что по усам сказочника: «мед-пиво пил, в рот ни капли не попало».

Ренгартен ждет. Одна рука на поручне, другая протягивает блокнот с пронумерованными и опечатанными страницами. Протягивает напряженной спине командира.

Удар волны на сей раз почти привычен: вода встает столбом из брызг на волноломе перед первой башней, разлетается в пыль, ее отмахивают от стекол боевой рубки диск-очистители. Несколько мгновений нарастающей тяжести, и из рубки открывается вид на холмистую равнину моря. Достаточно короткого взгляда, чтобы понять – в ближайшие несколько минут линейный крейсер не ожидает ничего опасного.

Командир корабля обернулся к Ренгартену.

– Что у вас, Иван Иванович? Посмотрим.

Крупные, разборчивые карандашные буквы.

«Фрунзе», – быть в Салониках не позднее восемнадцати ноль-ноль двадцать седьмого. Галлер».

Командир на мгновение задумывается.

Ответ может быть один: подтверждение получения. Но и тут есть нюансы. Между «Подтверждаю получение» и «Подтверждаю получение, к исполнению приступил» – большая разница. Про «Подтверждаю получение, но исполнить из-за шторма не могу» говорить рано, корабль практически цел. Отказываться от выполнения задачи рано... а задача почему-то важная. Галлер должен знать, что за погоды стоят на Эгейском море. Опять же, приказ прислал нарком, а не командующий Черноморским флотом, которому «Фрунзе» формально подчинен.

Значит, действительно надо, кровь из носу. И все же есть зазор, время и место для принятия решения. Поворачивать сразу, теперь – подставить корабль разрушительным волнам. Ждать, пока шторм ослабнет, и тогда переключать руль? Выйдет крюк. Успеть можно – при условии, что не будет новых повреждений, что шторм действительно уляжется... Что выйдет верней?

– Иван Иванович, – сказал капитан первого ранга Лавров, – не напомните мне последнюю погодную сводку? И что у нас на барометре прямо сейчас?

Кап-три Ренгартен – младший по званию и возрасту из тех, кого командир называет по имени-отчеству. Морского корпуса более нет, и такое обращение в служебной обстановке – признак серьезной, проверенной в деле личной дружбы. Только вместе они не служили! И по возрасту белоглазое чудовище не могло успеть поступить в корпус... но кажется командиру однокашником.

Оттого Лаврову мерещатся щелчки каблуков и ироничский оттенок в ровном, безэмоциональном докладе.

– Показания барометра растут, Алексей Фомич, но медленно. Считаю необходимым отметить, что и на сегодня прогноз обещал волнение шесть-восемь баллов, предполагалась даже возможность ведения огня главным калибром.

Намекает на то, что не стоит ждать на море погоды? Мол, есть приказ, надо прорываться к месту назначения, пока корабль нормально держит ход и управляется? Видимо, двенадцатидюймовые аргументы «Фрунзе» понадобились в политическом споре – именно в Салониках.

– Благодарю. – командир улыбнулся. – Ответ наркому: «Подтверждаю получение». И постарайтесь сохранить возможность дальней передачи еще часиков шесть-восемь. Не беспокойтесь, грот стихии мы не отдадим, а вот лампы – ваша забота. Ну, ступайте.

Тяжелый выдох бронированной двери, струйка воды под ноги: мостик заливает через пустые окна, штормовые ставни снесло вместе со стеклами. Не зря спустились в боевую рубку из ходовой, ох, не зря...

Выбор капитана Лаврова для него самого очевиден. Хороший командир рискует сначала неудовольствием начальства, и лишь потом кораблем и экипажем. И все же приказ нужно отдать вслух – прежде всего, себе.

– Прежний курс.

Безопасный курс носом к волнам.

26.10.1940. Эгейское море

10.00. АКР «Фрунзе», верхняя палуба

Корабль – суета, корабль в ремонте – тысячи сует. Идет Гонка с неведомым: а ну, не окажешься готов к безвестному сроку? Работ непечатый край, и успокоившееся море мирностью своей подгоняет: успеи, пока новый шторм не проверит работу.

«Фрунзе» готовится к плановой буре: заходу в порт.

Советский флот помнит заповедь адмирала Макарова: «в море – дома». Коли так, то в порту корабль – в гостях. В гости же приходите грязным, да в затрапезном... Стыдно.

Вовсе позорище, если порт чужой, а корабль – линейный крейсер, потомок «диких кошек» Фишера. Когда-то визитной карточкой великой державы служили тяжеловесные и неторопливые дредноуты, но теперь их место заняли линейные крейсера. Если государства, каким удалось наскрести на дредноут, можно пересчитать по пальцам двух рук, то линейный крейсер – роскошь, дозволенная не всякой великой державе. Список их обладателей куда короче.

Великобритания – владычица морей.

Франция – сильнейшая морская держава континентальной Европы.

Япония – главный поджигатель войны в Азии.

И, разумеется, Советский Союз, оплот нового строя, надежда прогрессивного человечества, заступник всех трудящихся.

Политруки говорят именно в таких выражениях, им положено. Кому не ясно – бери корабельную газету, свежий выпуск, пачкающийся типографской краской. Там для тех, кому лень сравнивать устав РККФ тридцать шестого года с иностранными, разъяснено: линейный крейсер империалистической державы есть инструмент нападения, острие атакующих сил, прочий флот служит для обеспечения его действий. Советский линейный крейсер – элемент защиты, становой хребет соединения кораблей, непревзойденное средство поддержки легких сил и береговой обороны, к тому же и сам он способен выполнить любую арьергардную операцию! Оборона побережья, защита торгового судоходства от чужих рейдеров, контрудар по ослабленному атакми легких сил противнику – вот краткий перечень уставных обязанностей «Михаила Фрунзе».

Именно его, а не некоего произвольного советского линейного крейсера. У СССР других кораблей этого класса нет. Со временем появятся, заложены: в Ленинграде – «Ленинград» же, в Николаеве – «Киев», в Молотовске – «Москва», причем «Москва» аж дважды: в тридцать седьмом и тридцать восьмом годах. В первый раз качество сварки оказалось таким, что весь невеликий задел пришлось сдать в переплавку.

Новые корабли будут сильней, быстроходней, но только будут. «Фрунзе» есть сейчас, и отдаваться ему – за четверых!

Весь мир на него смотрит, во все глаза.

Кто не верит, может перекинуться словом со старожилками. Те вспомнят, как корабль готовили перед смотром в Спитхедде, когда ходили выказывать дипломатическую вежливость по поводу коронации нового английского монарха.

Линейный крейсер с честью показал огромный, сшитый специально для смотра военно-морской флаг страны Советов. На него глазели чужие флоты, и буржуазных демократий, и фашистские. Надеялись рассмотреть хоть соринку, придраться, охаять. Не нашли! Корабль сверкал от мачты до киля, маневрировал ловко... а больше для дипломатии и не надо. Поздравлять короля явились, не воевать.

Старшины доводят необходимость большой приборки по-своему.

– Положено, – говорят. – Мы – линейный крейсер. Это значит что? Что у нас к линкоровской основательности необходимо прикладывать крейсерский шик. А какой на корабле может быть шик, когда видно битое стекло и перекоженное железо? И морской черт с тем, что сталь порвало. Краска ободрана!

Вот и приходится – где резать ацетиленовой горелкой, где, наоборот, сваривать, лупить кувалдой или киянкой, сверлить, клепать, снимать и монтировать, заводить тали и крутить домкраты. Поверху – шкуркой, бензинчиком... Хорошо, его на борту много – авиационного, для самолетов-корректировщиков. Потом доходит до кистей. Что не подлежит окраске, надлежит надраить, чтобы медь сверкала, а тиковый палубный настил всецело приобрел правильный светло-бежевый оттенок, на старшинском языке почтительно именуемый «белым алмазом».

Работают-стараются все... Иной старшина, у которого рукав от локтя до плеча изукрашен «конриками» – нашивками за выслугу, вздохнет украдкой:

– Вот чего не понимал царь-покойник: нельзя менять тиковую палубу на сосновую... От того не экономия, а одни беспорядки!

Сосновая палуба быстро лохматится, «теряет вид» так, что на нее плюнуть хочется. Из-за сосновой планки списали бывший флагман Балтфлота, «Рюрик» – комиссия была не

столько морская, сколько большевичья, палубу увидели – все, крейсер – руина, на слом его! «Полтаву», будущий «Фрунзе», на разделку не сдали, хотя собственная команда едва не загубила корабль. Устроили пожар, машину выжгло...

Экипаж трудится, помполит тоже: бегают по палубам так, что хоть язык вываливай, где работа тяжелей, где нужно подсобить не только словом – Иван Павлович подставляет плечо, прикладывает сильные и умелые, морские, руки. Шутит:

– Всем помочь готов, кроме механиков...

– Почему кроме?

– А у них старшой побольше меня... Так что там от меня немного надо. Так, напомнить о текущем политическом моменте, чтоб дело шло сознательней.

Политический момент острый. Радио – спасибо белоглазому Ренгартену, корабль ни на минуту не остается без связи и новостей – донесло голос истории. Из Афин летит яркое, яростное, долгожданное: «Всем, всем, всем!»

Фашистское правительство свергнуто.

У власти правительство Народного Фронта!

Потому «Фрунзе» и спешит к греческим берегам – всем стремительным телом, всей весомостью тридцати тысяч тонн водоизмещения стремится поддержать перемены. По палубам гремят революционные песни.

Корабль идет в страну с небесами, распахнутыми в будущее. И кое-кто из комсомольцев нет-нет, да и скажет:

– У них ведь – наш семнадцатый год! И мы – увидим!

Лица старшего поколения суровеют. Они помнят, как все было.

– Трудное было время, – вздохнет старшина. Да разве советскую молодежь испугаешь трудностями?

– Мы были первые, было много ошибок, – констатирует помполит. – Нам нужна осторожность, нужно точное соблюдение приказов Москвы... Энтузиазм? На покраску его, на починку!

И когда комсорг универсальной батареи левого борта бодро возразит:

– Мы, Иван Павлович, уже опытные. Мы же подскажем, как!

Патринос тяжело бухнет одно слово:

– Испания.

Скажет, как клинок провернет в ране любителей мировой революции. Потом его могучая лапища ляжет на плечо молодца, чуть не впавшего в ересь троцкизма.

– Сейчас не семнадцатый. Сейчас фашизм готов к бою, уже дерется. Потому дело решает не революционный напор, а владение морем. В тридцать восьмом один рейд нашего «Фрунзе» так ударил по франкистам и их немецким да итальянским дружкам, что они Каталонию полгода взять не могли.

Но все-таки взяли. Этого Патринос вслух не сказал.

– Так что, – продолжает помполит разъяснять генеральный курс, – сейчас мы лучше всего поможем греческим товарищам не митингами, а ударной работой. Сначала, это быстрее, нужно сделать так, чтобы любой фашист при виде ужасных нас от страха гадил в галифе. Под прикрытием завесы из крейсерского шика полностью восстанавливаем подорванную штормом боеспособность. А вот потом – да, можно и нужно на берег, приветы от Страны Советов передавать. Так и доводи до личного состава: сделаешь дело, тогда и в город, купаться в восхищенных девичьих взглядах и всякое такое... Ясно?

Кивок. И сразу – вопрос.

– А как тогда быть с песнями?

По трансляции летит бодрое:

Огонь ленинизма наш путь освещает,
На штурм капитала весь мир поднимает!
Два класса столкнулись в последнем бою;
Наш лозунг – Всемирный Советский Союз!

Иван Павлович послушал полминуты, пожал богатырскими плечами.

– Хорошая старая пластинка. Пора бы и поменять.

Комсорг вновь кивнул. Все ясно, мичманцу, что заведует трансляцией, не позавидуешь. Это к тем, кто тянет комсомольские и партийные обязанности в дополнение к иной должности, помполит снисходителен и готов любой момент обсудить по три раза. Сам говорит: ты, товарищ, должен доказать, что ты настоящий комсомолец, четкой работой по боевому расписанию. Все прочее – довесочек. С тех же, у кого забота о политическом состоянии корабля – профессия, спрос иной. Пустобрехи и чинуши на борту боевого корабля не нужны. Неверно подобранные песни для мичмана-политрука – то же самое, что для него, артиллериста-зенитчика, стрельба «в молоко». Не на учениях – в бою...

Спустя несколько минут бравурные мелодии стихли. Над кораблем разнеслись суровые, скорбные слова:

У дальней восточной границы,
В морях близ японской земли,
Там дремлют стальные гробницы,
Там русские есть корабли...

Песнь о Цусиме.

Напоминание о том, что может случиться, если недооценить врага, если недостаточно хорошо исполнять долг. А еще – призыв на бой. На бой с врагом внешним, вне зависимости от его политической окраски.

Пластинка записана по случаю боев на Хасане, что вызывает вопросы.

– Это ж против японцев!

– Это против того, чтобы мы кормили рыб, – отвечает комсорг. – Слышите? «Готовьтесь к смертельному бою, за нас отомстите врагам!» Так поется. И если завтра врагом ока-

жется британский флот или итальянский, а не японский – разве будет проще?

Не будет. Потому линейный крейсер «Фрунзе» должен быть готов к бою. Как можно скорей!

12.00. АКР «Фрунзе», мостик, левое крыло

На мостике – распахнутые навстречу семи ветрам штормовые ставни. Стекол нет, вылетели в шторм, новые вставлять некогда. Капитан первого ранга Лавров, не шурясь, смотрит навстречу легкому западному ветру. Позади, вежливой тенью, застыл снежно-седой офицер с молодым лицом.

– Что у вас, Иван Иванович?

– Восстановление носового радиолокатора невозможно, антенну заменить нечем. Кормовой функционирует, но нуждается в испытании. Без поверки я не смогу поручиться за его показания. В связи с этим прошу о двух самолето-вылетах бортовых гидропланов в интересах бэче-четыре. Программа полетов – вот...

Представить Ивана Ренгартена без папки с бумагами невозможно. Спроси его, почему всякую мелочь нужно оформлять на канцелярский манер, получишь ответ:

– Бумага – лучший свидетель невиновности. Особенно, если ее копии хранятся во многих местах...

Ренгартен – один из знаменитой «весенней сотни». Была такая попытка сломать флот и «старую школу». В декабре двадцать девятого года ГПУ разом взяло сотню морских командиров, всех из бывших офицеров царского производства. Так «молодая школа», вышибленная с флота в армейские силы береговой обороны и пограничную охрану, сводила счеты с победителями. Иван Ренгартен в списке задержанных оказался младшим по званию – единственным курсантом Морской академии, удостоившимся внезапного ареста.

Потом была гонка: ГПУ пыталось поскорей выбить показания и оформить заговор. Копали глубоко, под наркома флота Галлера. Старались, торопились так, что иным из «сотни» пришлось не один месяц поправлять здоровье, но флагман успел первым. Рванул трубку – не к Самому, к генеральному прокурору. Арест морского офицера без санкции непосредственного начальника – прямое нарушение социалистической законности, не так ли? Говорят, Вышинский, пока слушал короткую речь Галлера, медленно вставал из кресла – так башня главного калибра поднимает ствол для стрельбы на предельную дальность. После чего спокойно сказал:

– Это не правонарушение. Это переворот. Мне нужно...

Вооруженная сила. Роты, батальоны, полки. Лучше – с подготовкой для городского боя. Морская пехота? Да, отлично. Сколько? Нет, мало. Да, высадить десант из матросов, поднять в ружье штабы. Да, поднять эсминцы по рекам, ввести крейсера в порты. «Аврору» не трогать: слишком символично.

Немедленно, немедленно звонить Самому – с двух сторон, с сообщением, что операция началась, и отменить невозможно.

Главное – скорость!

С тех пор один из эсминцев Черноморского флота непременно носит гордое имя «Вышинский».

Ренгартена из застенка освободили сравнительно целым – за столь мелкую сошку не успели взяться. Оттуда он вышел без единого седого волоска, и, хотя манера речи крепко поменялась, да и любовь к бумагам у Ивана Ивановича пошла с тех невеселых времен, в начале тридцатых это был обычный молодой человек, разве немного сумрачный. Сейчас по нему словно безвременьем мазнуло: на лице нет эмоций, нет возраста. Нет жизни.

Не себя, собственного отца напоминает. Точно бывший начальник секретного отдела при адмирале Непенине,

умерший от тифа в двадцатом, явился с того света помочь родному флоту с радиоделом.

Ренгартен-старший – это радиоперехват, и пеленгация, и постановка помех. Младший – радиоуловители. Поговаривают, что в новом «Редуте-3» три четверти – его заслуга. Он лучший связист советского флота, оттого и служит на «Фрунзе».

Потому...

– Зная вас, Иван Иванович, предположу, что заявка на новый носовой РУС готова.

– Так точно, товарищ капитан первого ранга, готова. Подпишите здесь.

Командир пробегает бумагу глазами. Ворчит:

– Лстыте вы мне... Я пока не адмирал, мне способности вывести закорючку для честной службы недостаточно. Я пока лишь кап-раз, значит, место, где расписаться, найду сам...

На обрамленном коротким белым ежиком лице – ни намека на улыбку. Где оставил себя Иван Ренгартен? Пять лет назад, на Черном море, когда он ставил береговую локационную станцию, был похож на человека. Улыбаться умел. После получил назначение в Грецию, помощником военноморского атташе при советском полпредстве – и исчез.

В следующий раз Лавров видел будущего начсвязи крейсера в коридорах наркомата – вместо командирского кителя Ренгартен красовался в штатском костюме мышинной расцветки от какой-то подмосковной швальни, откликался на чужое имя. Ну да время было такое – Испания, псевдонимы...

Лавров подумал: секретность, да и забыл. Ровно до тех пор, пока на палубу завершившего переборку машин «Фрунзе» не шагнул молодой человек с совершенно неподвижным лицом и волосами, навек припорошенными снегом. Где? В личном деле – ссылка на службу в управлении информации

оперативного отдела Морского Генерального штаба. Читай, флотская контрразведка. Да странная бумага, гласящая:

«Ренгартену разрешается иметь на берегу столько девушек, сколько сочтет нужным». Подпись – даже не Галлера. Ни много, ни мало: «И. Ст.»

И что прикажете думать?

Китель кап-три украшает только серебряный значок с профилем малого корабля. Значит, временно командовал, но не в бою. Единственный намек, и понимай его, как хочешь. Скорее всего, в отличие от помполита, командиру бэче-четыре пока не разрешили надеть даже часть заслуженных наград.

14.20. Эгейское море близ входа в залив Термаикос

Эгейское море – не пустыня, базарная площадь. Только улеглась непогода – пожалуйста, встречи! Безусловно, жданные. Как можно пройти мимо греческого побережья и не встретить рыбацкий каик?

На мостике отлично видно, как скорлупка бросается в сторону, точно мышь от кошки, так же ловко и так же безнадежно. Грекам есть чего бояться. Итальянцы – фашисты, а фашизм не знает различия между миром и войной. Не нравятся им греки, значит, топят, разве что не хвалятся своими художествами. Два месяца назад в этих водах подводная лодка, официально, конечно, «неопознанная», пустила на дно греческий крейсер «Элли». Тратить торпеду на крохотный каик – дорогое удовольствие, а надводный корабль трудно представить как «неопознанный», но что стоит крейсеру навалиться бортом на рыбацкую скорлупку? Не надо даже открывать огня, и оправдание готово: не смогли разойтись...

Если на крейсере решат догнать суденышко – догонят. «Фрунзе» не понадобилось прибавлять ход, лишь немного

довернуть. Борт высотой, как дома на афинских проспектах, нависает над каиком. Там ждут удара, а слышат вопрос на родном языке:

– Давно ли из порта? Нет ли у вас новостей? – и последнее, но едва ли не главное. – Нужен ли вам свежий хлеб?

Одним хлебушком отделаться не удалось: каик греческий, а кто умеет торговаться лучше греков? Впрочем, пришел помполит, силы сравнялись, и корабельный сейф беспокоить не пришлось. Доллары и фунты остались в неприкосновенности. У хорошего старшего помощника всегда есть в запасе множество неучтенных, но полезных в морском деле вещей. Ну, стало поменьше, зато настроение личного состава резко поднялось, а что старпом хмурится, так ему по должности положено быть неприветливым.

Как ни странно, на линейном крейсере здорово стосковались по свежей рыбе. Одно объявление по трансляции: «на ужин будет жареная кефаль» – утраивает силы. Помполит не забывает напомнить: то, что вышло с камбуза, конечно, неплохо, но в Салониках эту рыбицу запекают так, что пальчики оближешь. Поверьте морскому волку!

Потом, оттащив в сторонку мичмана с нашивкой политрука, говорит ему:

– Борис, ты таки все понял? За тую кефаль пока что молчи на весь рот. Сам знаю, что лучше, – не сравнить, небо и земля, и если вы – таки не пробовали, так и не говорите... Но нам приказано в Салоники, и когда дадут отмашку насчет на север, к дому – неясно. А люди настроились, что через три дня – в Севастополе. Потому гони за революцию, за узо с кальвадосом и прочий табачок с Каваллы, это к северу от Салоник, а он ядреней турецкого. Ну и за ремонт скажи красиво. Это наше все, причем всегда.

«Фрунзе» держит курс на Салоники. Точно «дикая кошка» – весь в полосках. Правда, у тигров не свисают по

бортам беседки с матросами. Корабль перекрашивается в парадную форму. Давненко русский боевой корабль не одевался в белое с золотом – окраску средиземноморских эскадр былой империи, но Греция знавала времена, когда в Пирее стояли стационары в такой раскраске. Времена, когда маленькая Греция была своих врагов, возвращая из загребущих турецких рук исконные земли – клочок за клочком. Революция или нет, греки вспомнят. А корабль и так, и так красить.

Иным матросам выпала другая работа. Нужно и орудия прихоросить, потому на каждом из трех стволов башни номер два сидит по матросу. Дряят крышечки, что вне боя прикрывают жерла от дождя и волн. Пушки старые, с погибшей в пятнадцатом году «Императрицы Марии», отсюда прозвище носовой возвышенной. Хорошо себя ведет – значит, «Мария Федоровна». Когда показывает норов, на нее обрушивается весь набор непристойностей, какие припасены мужским полом для женского. Если молодится-прихорашивается, как сейчас – «Машенька», а то и «Марийка». Пушки в башне старые, крышки на стволах новые: пришлось поменять, на прежних красовались царские орлы.

– Черт-те чем занимаемся, – ворчит старший лейтенант, командир башни номер раз, «Тихоокеанской». Он руководит восстановлением дальномерной башенки: точный прибор испорчен напрочь, но чужой глаз этого заметить не должен. – Потемкинские деревни...

Осекся: позади башни, заложив руки за спину и запрокинув вверх голову, стоит старший помощник. Может, не расслышал?

Да нет, какое там...

– Лейтенант, а вы знаете, что термин «потемкинские деревни» – это образец вражеской пропаганды? Свидетельство неверия Запада в реальные успехи России, пусть и ограниченные царским режимом, но значительные?

– А?

– Настоящие были деревни. Только там, перед высочайшим визитом, как принято у армейских, дороги подмели, траву подкрасили, скотину из соседних волостей подогнали – для пущей гучности стад... Ох, радуйтесь, что попались мне, а не Ивану нашему Павловичу. Он у нас грек, ему освобождение Новороссии от османского ига особенно близко. Вот заставляю вас писать серию статей о турецких войнах в корабельную многотиражку...

– Но, товарищ капитан второго ранга... Мне ж и так дышать некогда!

– Дыхание в список ваших должностных обязанностей не входит. Потому заставляю... но не сейчас. Бывает время писать статьи, но бывает время варить железо и драить медяшку. Кстати, если хотите мое мнение – дальномеры на башнях служат так, самоуспокоению. Чтобы, случись врагу разнести и носовой и кормовой КДП*, а потом и дальномер «Марии Федоровны», артиллеристам было чуток веселей помирать.

В лейтенанте проснулся артиллерист, причем из лучших, других на «Фрунзе» не назначают.

– Вы не правы, Михаил Николаевич. Стрельба без дальномера может носить только демонстрационный характер. А так у нас будет шанс...

Косыгин только криво ухмыльнулся.

– Много вы разглядите из башни, а? Особенно при какой-никакой волне... Впрочем, неважно. Важно, в каком виде репетиры центральной наводки. Доложите их состояние.

– Совпадение данных с центральным артиллерийским постом до четвертого знака, товарищ капитан второго ранга.

Косыгин кивнул.

– Вот это – имеет значение, а не прибор, актуальный в пору русско-японской, или неизбежная на фло-

---

*Командно-дальномерный пост.

те перекраска всего в другой цвет той же краской... Живите, лейтенант: помполиту вы почему-то нужны фотогеничным.

Любит он сложные слова. Ушел.

На его место явились мичман-политрук с фотоаппаратом и секретчик, приглядывать, чтобы тот не наснимал лишнего. Старые, царские еще башни – то немногое на «Фрунзе», что фотографировать разрешено, пусть и в строго определенных ракурсах.

– Приказ командира: поднять моральное состояние личного состава, – поясняет политработник. – Решено, что по прибытии в Севастополь всякий участник похода должен получить на память фотокопию картины с изображением линейного крейсера и несколько настоящих фотоснимков: на память.

Разумеется, политрук в здравом уме, повреждения снимать не будет, фотомоделью станет длинношеяя «Мария Федоровна».

– Краснофлотцы верхом на стволах – это можно снимать? – уточняет мичман.

Секретчик по-птичьему склоняет голову, оценивает сцену. Обычная приборка. Вердикт:

– Можно.

Вспышка, облачко магниевого дымка.

Над кораблем летит вальс «На сопках Маньчжурии». Не печальный реквием павшим в проигранной войне – призыв к бою.

«Кровью героев омытое знамя
Мы понесем вперед!»

И ведь верно, несмотря на любой шторм, понесем.
«Фрунзе» готов.
Нужен только приказ.

По палубам разносится слух: приказ есть. Ждет на пирсе в Салониках, вместе с советским военно-морским атташе в Греции. Там такое, что радиоволнам не доверишь. Что именно, корабельные длинные языки придумать пока не удосужились.

Трое матросов, что дряют бронзовые украшения «Марии Федоровны», дождались, пока старпом отошел подальше – и продолжили прерванный его явлением разговор.

– Ты понял, почему был шторм? – спросил один весело.

– Ну?

– Нашим... Ну, нашим грекам, им нужно было ввести корабли в порты – не только на военные базы, а вообще. И так, чтобы фашисты не насторожились. Так шторм – отменное оправдание. Мол, шли в другое место, а тут от бури спрятались.

– Ну? Хочешь сказать, наши умеют вызывать шторма? Не верю. «Фрунзе» вон как помяло... Предупредили бы. Меньше читай Беяева.

Любитель фантастики ухмыльнулся. Повторил со скукой, мол, приходится некоторым совать, как птенцам, в клюв – очевидное.

– Никто, понятно, морем не управляет. Просто, видишь, оно за нас, советских. Мы – прогрессивны, а победа прогрессивных сил есть закон природы. Так что море за нас. Иначе и быть не может!

Эгейское море, ласковое, бирюзово-прозрачное, кошачьей лапкой гладит борта, словно вчера не ярилось штормом. По всем приметам линейный крейсер успевает явиться в Салоники в срок – значит, древнее эллинское море, и верно, на его стороне!

27.10.1940. Салоники

10.15. АКР «Фрунзе», верхняя палуба

Линейный крейсер стоит на бочке на рейде Салоник. В порту нет пирса под такую громадину, да и личному составу, раз увольнения пока не светят, лучше видеть берег именно так: смазанные полосы белого и зеленого сквозь суету всякой портовой мелочи. Берег чужой, загадочный, заманчивый – и недоступный до тех пор, пока боевая часть не доложит о готовности к бою и походу. Впрочем, глаз приманивает не только субтропическая зелень. Там, в нескольких гребках, страна победившей революции! Хочется скорей ощутить под ногами пьянящую свободой и борьбой землю – а если надо, прикрыть ее броней и главным калибром... Вернуться домой – как из Испании, красуясь алой эмалью боевых наград. Тут всем в пример орден на кителе помполита. Ведь на трампах ходил, на обычных торгфлотовских сухогрузах, а вот! Лейтенантскому крейсеру, верно, отличиться будет проще.

Даже старший помощник, на что занят – нет-нет, да вопьется взглядом в бело-зеленый холм, над которым сквозь дымку проступают тени гор. Издали – похоже на Барселону. Так похоже, что хоть зубами скрипи!

У Михаила Косыгина не осталось памяток на кителе, но он – помнит. Жар барселонских улиц, дома с террасами на крышах. Угрюмый порт, мрачные теснины района Раваль – все освещено улыбками. Даже воздух по сравнению с капи-

талистическими временами поменялся! Три года Барселона дышала самым вкусным воздухом мира, приправленным ароматом корицы – и пороха. Здесь по улицам ходили разномастно-карнавальные патрули анархистов, которые могли, оставив пост, подвезти спросившего дорогу до места на броневике, стрелнуть сигарету – или самого прохожего. Кафе и рестораны открыты настежь, цены такие, что на месячную получку можно кормиться год – если заказывать рыбу, что ловят тут же, на рейде. Рыбаков прикрывают старые миноносцы и новейшие подводные лодки.

Кругом – стайки девушек в летних платьях, мужчины щеголяют военной и полувоенной одеждой, стоит разноязыкий говор – добровольцы, журналисты, жулики... поэты! Заглядывают люди с винтовками. Когда, прислонив оружие к ножке стула, поедают зверски перченого тунца с баклажанами, когда – сурово встают позади клиента.

– Расплачивайся, фашист...

Спустя минуту за ближайшим углом, лишь бы в стороне от детских и женских глаз – залп. Тело забросят в кузов грузовика. Был ли расстрелянный фашистом на деле? Если нет, то по начальнику патруля хлестнет другой залп. Иных наказаний в революционной Барселоне нет... Точней, не было. Веселый – куда там Парижу! – город разбомблен в щебень, руины взяты на штык – и на сизый выхлоп германских панцеров.

Республика умерла. Да здравствует Республика!

Теперь – в Греции.

Помполит говорит: совсем другая страна. Темперамент испанский, но характер, скорей, русский, а русская революция не похожа на испанскую... Михаил помнит ее, обрывками, что остались в голове от детства.

Заколоченные досками витрины. Хвосты очередей: нет хлеба. Толпы, черные, словно растекшаяся смазка, кумачовые лозунги: «Вся власть...» Кому? Не важно, дали бы хлеба, хоть немного, но сейчас. Кто вложит в руки голодного

города камень – вверх тормашками его, будь он помазанник божий или законно избранный ныне распущенной Думой диктатор. Ждать Учредилки? Подожди, когда мерзлая подгнившая картошка с голодухи лакомством кажется. Но и ее достать – праздник!

Так было до Революции, и с ее приходом – не поменялось. Зато появилась надежда, начали выдавать хотя б половину положенного рабочим пайка... Стало можно не то что жить – терпеть, и ради этой «мелочи» уходили на фронт рабочие и морские полки. Ради этого гремели над окраинами города пушки, и ради этого в атаку на английскую эскадру ушло четыре эсминца-«новика». Вернулся один, и море еще долго выбрасывало на берег тела погибших моряков. Вместо некрологов – черные слухи: «хотели переметнуться к белым», «офицерье предало, собирались сдать корабли англичанам»...

Тогда Мишка Косыгин и решил, что станет настоящим, красным командиром корабля. Уже курсантом Военно-морской академии узнал: измены на кораблях не было. Случилась халатность в насквозь партийном Реввоенсовете. Кто-то распустил язык – и на пути советского отряда оказалось минное поле. Гибнущие команды кричали «Ура!» единственному вырвавшемуся кораблю. Бывшие офицеры с подорвавшихся эсминцев пытались спасти людей и погибли все до единого. Это – предатели?

А как дрался единственный эсминец, что с минного поля выскочил? Его командир читал Косыгину лекции – и рассказывал курсантам о настоящей войне, вовсе и не гражданской. Звали его Лавров, Алексей Фомич. Сейчас – командир «Фрунзе».

– Флота у Юденича не было, – говорил Лавров. – Что мы, уходя, бросили в Гельсингфорсе, Ревеле, Нарве – досталось Финляндии и Эстонии. Им и англичане при случае кое-что дарили – именно им, не белым. Война на Балтике шла целиком с англичанами. Против нас выставили лучших. Был,

например, такой – Эндрю Браун Каннингхэм, командир эсминца. Сначала у него был маленький “Сифьюри”, и то расходился с нашими “новиками”, в общем, на равных, а когда его продвинули и дали новенький “Уоллес” – не поверишь, специально операции планировали, чтобы именно его прижучить...

Рассказ течет ровно и гладко, а Косыгин чувствует под килем сердитое, серое, как волчья шерсть, море, слышит грохот пушек. Разрывы швыряют ему в лицо и за шиворот ледяную воду. По левому борту бежит осенне-осклизлый, буроватый берег.

Британский эсминец гонится за советским, и ничего постыдного для его командира Лаврова, краснофлотца то ли пятого, то ли шестого ставочного разряда, в этом нет. Это начало империалистической русские «Новики» встретили сильнейшими эсминцами в мире. Четыре года спустя, в восемнадцатом, не так, причем давно.

За «Уоллесом» и калибр пушек, и их число.

Советский «Азард» отвечает хорошим маневрированием и полным напряжением машин. Час-другой такого хода, и – выйдут из строя. Тогда шансов не будет. Из труб валит густой черный дым – Каннингхэм наверняка понял, что это не от внезапного разогрева котлов, что сердце красного эсминца требует ремонта. Расстояние сокращается, вот-вот пойдут попадания...

Деваться «Азарду» некуда, до батарей Кронштадта далеко. Но – за очередным мысом сереет громада русского линкора.

– Есть! – орет Лавров. – Есть, ребята! Поймали британца!

Его эсминец закладывает поворот: готовится добивать поврежденный «Уоллес».

Что такое эсминец и что такое линкор?

Англичанин, конечно, попытается уйти, но по нему мигают огни на противоминном каземате линкора, над главным калибром взлетает пороховое облако, долю мгновения ог-

невое, потом рыжее, потом черное – секунду спустя его нет. По ушам бьет грохот залпа.

– Это слишком, – говорит Лавров, – много чести!

В ответ сверкает злое пламя в стволах «Уоллеса», серебряные гвоздики разрывов встают у борта линкора. На палубе разворачивают торпедные аппараты. Каннингхэм не отворачивает – прет в атаку! Всплески от снарядов красных встают далеко от его бортов.

Линкор не под парами, иначе как спрятаться за низким берегом? На дворе не сороковой год, когда хорошо прогретые котлы дают о себе знать лишь дрожью неба над трубами. Теперь в борт серой громады поворачивается целая батарея смертоносных торпедных труб. Краснофлотцы перехитрили сами себя. Подпустили британца! Думали, удастся быстро потопить, да как бы не вышло наоборот...

Сам погибай, а товарища выручай. Маленький устаревший «Азард» доворачивает снова – и сам лезет на сильнейшего! Пускает торпеды – не попасть, так сбить британца с курса. Истоиво, набатно, дупит из «соток». Мешает. Отвлекает. Дает линкору время на пристрелку – и добивается своего. «Уоллес» показывает корму и уходит – зигзагом, чтобы было трудней попасть.

На линкоре насчитают пять пробоин от британских снарядов. «Азард» будет чиниться три месяца. Через полгода он опять ухитрится заманить британцев под русские пушки, аж семь эсминцев, и на этот раз уйдут не все.

– Потом я узнал, – рассказывал Лавров, – что за то дело эсминец Каннингхэма получил лишь одну аккуратную дырочку в надстройке. Вот это – маневрирование. Вот как, товарищи, нужно экипажи учить!

И учил, не хуже, чем тот империалист. Косыгин гордится, что служит под его началом, спокойно и безропотно несет старпомовский крест: руководит работами на борту, когда другие ступили на землю свободы...

10.35. АКР «Фрунзе», командирский салон

Командирские апартаменты на «Фрунзе» – даже не мечта, не бывает таких просторных грез у советского комсостава. У адмиралов квартиры на берегу поменьше одного салона. Будь «Фрунзе» модернизирован по советскому проекту, такой роскоши не случилось бы, но проект составляли американцы.

Советская делегация, что утверждала чертежи, среди прочих новшеств – винтов, выходящих из килей, развитого носового бульба, резервных зенитных директоров, подвешенных прямо на наружный кожух передней трубы – тяжелую надстройку приняла как должное. В кои-то веки Советскому Союзу передавали не хорошие, но малость устаревшие технологии – а новейшие, хотя, увы, не бесспорные.

– Второй раз не предложат, – заметил Галлер, ставя на проекте модернизации подпись.

Из-за развитого бульба линейный крейсер в хорошую погоду может дать лишних три узла, но побаивается встречать волну скулами – лупят, словно таран. Это сейчас, после второй модернизации, когда бульб слегка подсократили. Зенитные директоры с труб сняли – не потому, что задымляются, но оттого, что промышленность не успела произвести такие же для крейсера «Молотов». Вот на винты нареканий никаких, да и корабль оказался удивительнейшим образом оборудован для жизни. Для службы в мирное время лучшего корабля не вообразить.

Повезло не только командиру – кают-компания среднего комсостава занимает всю вторую палубу от форштевня до барбета носовой башни. В футбол играть можно!

Старшинам тоже грех жаловаться, и рядовые краснофлотцы не забыты: в кубриках жесткие койки, не подвесные люльки. Теоретически, правда, аж в четыре яруса, но советская практика и тут внесла коррективы. Моряку-патриоту

положено жить работой, потому перенос койки из кубрика к рабочему месту поощряется. Удобно, когда человек всегда на месте, даже если он спит или принимает пищу.

Конечно, никто не будет захламлять башню главного каибра или ночевать под открытым небом на пулеметной площадке, с которой целится в небо четверка ДШК. Мало радости ночевать в гудящем и жарком машинном отделении, еще меньше – в тихом и оттого удушливом гидрофонном посту: по тревоге там отключают вентиляцию. Но не всем же так не везет?

Баталеры и вестовые, печатники и швецы, хлебопеки и радисты имеют возможность пристроить коечку по месту службы, чтобы никто не храпел ни сверху, ни снизу.

Вот и возникают сценки: ночной комсоставовский буфет, заходит будущий вахтенный начальник: ему стоять «собачью», предутреннюю вахту, голодным этого делать не хочется. Вестовые, заразы, дрыхнут: в буфете круглосуточная вахта не предусмотрена. Но разве долго дернуть спящего человека за ногу?

– Сообрази-ка, братец, чайку...

Удобно? Кому как, когда как: бывает, спеша по коридору, коленную чашечку о чью-то пристроенную в коридоре коечку расшибешь так, что хоть вой, хоть матерись, хоть на одной ноге дальше скачи, вроде цапли. Не это важно, а то, чтобы люди, что встанут к орудиям и механизмам, жили в кубриках посвободней.

При всем том, в командирском салоне коечек под потолком не подвешено. Требования престижа: здесь устраивают международные приемы. Требования секретности: бывают такие совещания, что корабельного особиста не зовут. Он работает с секретами простыми, штатными. Об остальном может только догадываться. Только что, в присутствии военного-морского атташе, проследил за вскрытием опечатанного по всем углам пакета, подождал, пока с содержимым

ознакомятся все, кому дозволено, закрыл военную тайну собственной печатью – и отбыл.

Остались те, кому положено знать.

Они молчат, пытаются привыкнуть к резко изменившемуся миру. Миру, в котором Советский Союз вступил в мировую войну.

Командир неторопливыми, экономными движениями набивает маленькую трубочку.

Скользит взглядом по лицам людей, на чьи плечи легла тяжесть шестой части суши. Их в салоне четверо, считая хозяина.

Михаил Косыгин – внешне невозмутим, но глаза горят. В руке папироса, на конце длинный столбик пепла – забыл про нее. Лицо бледное – не от испуга, от готовности. У него впереди первый бой. На Гражданскую не успел по молодости, на КВЖД флотом и не пахло, по рекам и озерам воюют морские силы армии. В Испании бывал – на крейсере, с официальным визитом, таскал за наркомом папки с бумагами. Подышал шальным воздухом Валенсии и Барселоны – и три года просился на войну, пока Льву Михайловичу не надосло находить среди прочих представленных на подпись бумаг назначения кап-три советником в страну сражающейся революции. Все вернулись, что называется, «с наддранием». На первой значилось спокойное: «Отказать. Вы нужнее здесь». На третьей – короткое: «Нет».

После пятой – вызвал «на ковер» и задал упрямому кап-три задачку. Аккорд, как срочнику перед демобилизацией. Справишься – будет тебе назначение на корабль. Не в Испанию, она к тому времени пала. Не на незначительную зимнюю войну, она успеет закончиться, пока Косыгин будет выполнять особое поручение. На «Фрунзе», лучший корабль флота. По курсу линейного крейсера всегда лежат интересные события, и снаряды в погребах не залеживаются.

Полгода Михаил провел в качестве представителя флота при центральном конструкторском бюро наркомата авиационной промышленности. Там он украсил китель, вместо боевых наград, ястребиными крылышками пилота-истребителя. Асом не стал, но взлетит и сядет самостоятельно, и некоторую опасность для врага представит. Такой вот «бюрократ от флота».

Рядом с «ястребком» – бронзовый крейсер. Косыгин сдал все зачеты на управление тяжелым артиллерийским кораблем. Будь командир «Фрунзе» иностранным шпионом, получив такого «старшого», он бы счел, что у СССР на стапелях почти готов ударный авианосец, и для него готовят хорошего, агрессивного командира. Увы, пакет все расставил по местам.

Авианосцев на стапелях как не было, так нет. Есть война, до которой осталось меньше суток.

Командир так и не закончил возню с трубкой, отложил в сторону. На укрытом серым сукном столе остались табачные крошки...

– Знаю, что традиция требует начинать военный совет с младших по званию, – сказал. – Но сегодня нарушим. Михаил Николаевич, насколько мы будем боеготовы к утру?

Косыгин начинает перечислять состояние боевых постов. Проблемы есть на каждом, но к утру... Корабль драться сможет.

– Приказ выполним. На малейшую провокацию так подадимся, что чертям тошно станет!

Командир кивает. Дорвался старший помощник до драки... Ему приказ бить во всю силу, не размеряя мощи ударов, по шерсти.

– Если говорить по тактике, то мое мнение: немедленно сниматься с бочки – и в море! Там у нас будут и маневр, и огонь. Проверим доктрину полковника Митчелла в деле!

Это для Косыгина американский герой империалистической войны и скандальный пророк – «полковник Мит-

челл», автор интересной теории, гласящей, что крупный надводный корабль устарел, поскольку легко топится куда более дешевыми бомбардировщиками. Что поделаться, Косыгин не помнит ни самого американца, ни бурю, поднятую его идеями в СССР. В двадцать седьмом был курсантом, а в тот год «молодую школу» выкинули с флота, к морскому черту или маршалу Тухачевскому в зубы... кому нужна, забирай, не жалко!

А ведь было, статьи печатали: «Флот республике не нужен!» Мол, хватит сил береговой обороны, да хорошей морской авиации. Их главным доводом было правильное классовое происхождение, и на тактические аргументы: «А что вы будете делать в такой-то ситуации?» – следовал неотразимый ответ: «А вы бывший царский офицер!»

Что Галлер спас тогда флот, до сих пор чудом кажется. Спас, как Альтфаттер в Бресте, в январе восемнадцатого года, когда вовремя достучался до Москвы. Теперь это снимают в фильмах: переговоры о мире, глава советской делегации, козлобородый Троцкий, начинает речь об отказе от подписания мира при демобилизации армии. Его перебивает спокойный голос представителя русского флота.

– Лев Давыдович, вы превышаете свои полномочия. ЦК большинством голосов постановил: германские условия, несмотря на их тяжесть, принять... Товарищ Луначарский уполномочен возглавить делегацию. Вот телеграмма, подтверждающая мои слова.

Во весь экран – пляшущие буквы аппарата Бодо, подписи: «Ленин, Сталин, Свердлов». Перекорюженное лицо Троцкого. Глава немецкой делегации медленно наклоняет голову.

Второй раз флот спас Беренс, когда в Кронштадте взбунтовался вмерзший в лед линкор. Что было бы, если бы восставшую крепость задавила армия? Флоту мятеж новая власть бы не простила. По счастью, Тухачевский показал

себя не лучше, чем в польском походе – провалил два приступа, чем и предоставил морякам шанс.

Свою штурмовую волну Беренс наскреб по человечку – там людей с речных флотилий, тут готовый к отправке на фронт морской полк. В бой пошли и гарнизоны фортов. Был у него и еще один резерв, большевиками не жданный.

Офицеры.

Те, кто не уехал в эмиграцию, не подался к Колчаку и Деникину, но и красным служить не стал, предпочел работу в архивах или голодную отставку. Тоже на батальон наскреблось...

– Господа, – сказал им начальник морских сил советской республики, – есть повод расчитаться с анархистами-клевниками и левацкими комиссарами за февраль семнадцатого. Если город вернем мы, нам и порядок на флоте наводить. А если Тухачевский с Троцким...

Кривил душой – разбойно-анархического элемента в Кронштадте за годы Гражданской войны не осталось, бунтовали недавно мобилизованные – против подразделения, разрухи, войны. Но – сыграло.

Это командир «Фрунзе» знает не по фильмам, слышал каждое слово. Видел лица людей, которым дали право умереть за дело их жизни – либо выжить и вернуться в строй победителями. Кому позволили расплатиться за все. Какая им была разница, что у них на рукавах: трехцветный ли шеврон, кумачовая ли повязка?

Лавров, как член партии, стал комиссаром сводного полка, стоял за правым плечом наморси* Беренса. Главное чудо: сказанное навсегда осталось между бывшими офицерами. На полтысячи человек – ни одной гниды. Правда, и выжило их – хорошо, если один из дюжины. Какие люди остались на кронштадтском льду... Выжившим комиссар – под матросским бушлатом набухла кровью наложенная поверх ребер

---

*Начальник морских сил.

повязка – вручал партбилеты. Прямо на борту взятого на штык линкора «Севастополь». Позволил себе улыбку:

– Поздравляю, господа, вы стали товарищами...

Несколько лет на флоте было тихо. Дельных людей осталось мало, кораблей – не больше. «Флотишка» – так называл их Ленин. На новые корабли совнарком не давал ни копейки, но и распускать не торопился. Правоваты? А кем, случись что, давить в Питере левацкие мятежи? Верны, кровью повязаны... пусть служат!

Флот ничего особого не просил. Когда страна немного отдохнула от войн и разрухи, начали ставить в план производство простых, маленьких корабликов. В серию пошли суда двойного назначения: в мирное время рыболов, в военное – сторожевик. Осторожно ставили вопрос о вспомогательных крейсерах, в качестве аргумента выдвигая приключения «Зееадлера» и других немецких рейдеров империалистической войны. Подняли вопрос о снабжении – и вновь построенные мирные советские танкеры оказались достаточно шустры, чтобы в случае войны приставить к своему наименованию приставку «эскадренные». Мобилизация трудового тоннажа отлично совмещалась с советскими политическими доктринами. Для тех, кто вздыхал по крейсерам и линкорам, тоже нашелся аргумент: «Мы строим флот снизу. Утром – тральщики, вечером – крейсера. Линкоры – следующим утром...»

Страну лихорадили буйные двадцатые годы. Тогда многим казалось, что на рывке, на «даешь», можно сделать все! Хоть индустриализацию в четыре года, хоть танковую армию в сто тысяч машин, хоть полет на Марс! Многим казалось, что Мировая Революция ударит со дня на день, а на флоте окопались бывшие золотопогонники, которые вместо боевых кораблей строят рыболовов да подновляют царское старье.

Каково было краснофлотцам – курсантам командирских училищ? Тогда, в двадцатых, молодежь постигала науку ря-

дом с бойцами Гражданской, бывшими рядовыми матросами и унтерами, что желали попасть на мостик, комиссарами, которым не хотелось занимать скучную должность помполита. Что ждало их впереди? Сейнер, на который воткнули пушку и противолодочный бомбомет? Транспорт, у которого пушки, если есть, в трюме лежат?

Чем такой «флот», – не лучше ли «морские силы армии», зато с быстрыми торпедными катерами, грозными врагу подводками и – самолетами! Генерал Уильям Митчелл, герой мировой войны, доказывает – они могут!

Когда в далекой Америке авиабомбы отправили на дно трофейный немецкий линкор, в советском флоте началась дискуссия.

«Нужны ли мы нам?»

Молодая школа жала на то, что их соперник по дискуссии – как один, перекрасившиеся золотопогонные шкуры, и на то, что «морские силы армии» дешевле, чем даже «флотишка». Наркомфлота Беренс не выдержал накала дискуссии. Лавров помнит, как после одного из совещаний в Совнарком, прежде чем сесть в автомобиль, Евгений Андреевич расстегнул верхнюю пуговицу кителя. Лавров помнит его виноватую улыбку: флагман флота, и не показывает пример подтянутости.

– Сердце покалывает.

Откинулся на сиденье, прикрыл глаза – и уже не открыл никогда. Врачи установили: инфаркт. Бывшему старшему штурману «Варяга» не исполнилось и пятидесяти лет.

Новым наркомом стал командующий Балтийским флотом Лев Галлер. Скорее кораблестроитель, чем флотоводец, он сделал упор не на стратегию с тактикой, а на экономику. По его словам, выходило, что флот на каждый вложенный рубль отдает полтора, и на нем куются ценнейшие кадры для народного хозяйства.

Где в СССР найдешь механиков, что умеют обращаться с мощными турбинами – кроме как на крейсерах и линкорах?

Как без подготовленных кадров обслуживать мощные электростанции? Где готовить кадры для торгового и рыболовного флота? Откуда приходят грамотные, не боящиеся техники, люди? Причем в большинстве подтянутые до уровня среднего образования? В армии тогда и грузовиков не было, не говоря про танки, да и расписаться умел не каждый.

Вышло, что без «флотишки» об индустриализации не стоит и мечтать. Кроме того, Красный флот – не береговая оборона, он собирается драться наступательно: высаживать десанты, вываливать мины в самых неожиданных для врага местах, шалить на коммуникациях. Независимо от армии, даже пехоты не попросит: сформирует по десантной бригаде на флот... Что до морских сил армии, с катерами и малыми подлодками, пусть будут. За счет армейского бюджета. Он, Галлер, охотно отдаст ту часть личного состава, что готова расстаться с мечтой об океанской мощи и смириться с долей военно-морского каботажника.

С тех пор Красная Армия и Красный Флот кланяются, но не разговаривают. Если нужна совместная операция – согласовывают условия и подписывают договор, словно союзные, но совершенно независимые державы.

Потому решение тактической проблемы «бомбардировщики против флота» не только проверка заокеанской теории. Одно дело, когда с воздуха гвоздят древний броненосец, радиоуправляемую мишень, что реагирует на команды с опозданием и совсем не отстреливается. Другое, когда новейший эсминец ловко уворачивается от пакетов с краской, заменяющих бомбы – притом что самолетам по условиям учения запрещено снижаться ниже трех тысяч метров – иначе, мол, считаются сбитыми. И третье – если от налета не сумеет отбиться только что отремонтированный корабль с лучшей в Союзе командой.

Возможны очень неприятные выводы.

Значит, в море? Нет, так думают не все.

– Уходить нельзя!

– Иван Иванович?

Ренгартен. Разумеется, у него допуск есть: начальник связи – персона зачастую более осведомленная, чем командир корабля. Более опасная, чем корабельный особист. «Управление информации» – неплохое прикрытие для разведки и контрразведки флота. Правда ведь, информируют. И – всегда знают больше, чем докладывают.

– Я бы ждал на месте. Мы должны именно поддаться на провокацию, а не открыть огонь первыми. Кроме того, если мы выйдем в море, провокация может не состояться.

Он развел руками.

– В конце концов, нас не случайно гнали сюда, в Салоники. Здесь наше место... Место, где мы примем бой.

Командирские пальцы снова ухватили трубку. Вбить еще щепотку душистого виргинского табаку. Медленно, со вкусом, раскурить, выпустить мудреное колечко... Пусть другие хвалят табак из Каваллы, турецкий, или британский, из Южной Африки, каперангу больше по нраву мягкий виргинский. В Норфолке удалось сделать неплохой запас.

Увы, без уточняющего вопроса не обойтись.

– Вы полагаете, что нас могут искать не слишком активно?

– Если я прав, – сказал Ренгартен, – и если мы выйдем в море, нас искать не будут. Потому стоим на бочке, отлаживаем РУС. Экипаж. Немногих, в виде премии за ударный труд, отпустить в увольнение. Так, чтобы на боеспособности не сказалось, но чтоб они посмотрели на творящееся в городе. И пересказали.

– Так... – тянет капитан первого ранга. – Ясно. Вы полагаете, что в городе будет... интересно? Или – знаете?

– Полагаю. Это весьма вероятный вариант. Также я полагаю, что наиболее интересно будет на местных аэродромах... и здесь, в гавани. Но и в городе может быть весьма и весьма нескучно. Здесь я исхожу из испанского опыта.